
СОЦИАЛЬНАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

ПОГРАНИЧНАЯ РУССКО-КИТАЙСКАЯ ТОРГОВЛЯ В XIX В.

М.В. Коваль

Кафедра истории России
Московский педагогический государственный университет
пр. Вернадского, 88, Россия, Москва, 119571

В статье рассматривается процесс установления границы с Китаем и формирования механизмов приграничной торговли, оформления и ликвидации Кяхтинской монополии и падения роли торговли через Сибирь. С постройкой и введением в эксплуатацию Великой Сибирской магистрали торговые приграничные связи вступили в новый период своего развития.

Ключевые слова: Кяхта, Кантон, чайные торговцы, чай, граница, приграничье, пограничная торговля.

В научной исторической литературе как общего, так и краеведческого характера тема приграничных экономических контактов в XIX в. вдоль самой протяженной в мире (более 10 тыс. км) границы между Российской и Китайской империями практически не разработана, поэтому задачей настоящей публикации является попытка дать общую характеристику русско-китайской торговли на границе в рассматриваемый период (1).

Первые официальные контакты России с великим восточным соседом относятся к началу XVII в., когда по инициативе тобольского воеводы князя Куракина в Китай была отправлена миссия в составе 12 чел. во главе с томским казаком И. Петлиным. Походы казачьих отрядов В. Пояркова и Е. Хабарова, продолжившими дело освоения новых земель, положили начало освоению Приамурья и Дальнего Востока.

Ни маньчжур, ни собственно китайцев на пути их движения не было. Границы китайского государства подступили к территориям Центральной Азии лишь после завоевания Джунгарского и Яркендского ханств в 1757 г.

В современной научной литературе отмечается, что граница между Россией и Китаем – это рубеж, размежевывающий территории, которые изначально не были землями собственно русских или китайцев (2).

Процесс формирования границы был весьма длительным, и лишь к началу XX в. он получил свое завершение. Правовая основа восточной части русско-китайского участка границы, проходившего по территории Забайкалья, по берегу реки Амур и Приморью, была заложена целым рядом договоров начиная с Нерчинского договора от 27 августа 1689 г., и такими, как Буринский договор от 20 августа 1727 г., Кяхтинский договор от 21 октября 1727 г., Международный акт от 8 февраля 1792 г., Айгунский и Тяньцзинский договоры от 16 мая и 1 июня 1858 г., Пекинский договор от 2 ноября 1860 г., Санкт-Петербургский договор от 12 февраля 1881 г., Новокиевские протоколы 1886 г., Цицикарский протокол 7 декабря 1911 г. Кроме правовой основы, в договорах регулировались вопросы приграничных отношений и торговли подданных двух государств.

Официально приграничная торговля с Китаем началась после заключения Нерчинского договора 1689 г. С течением времени по мере заселения Сибири и Дальнего Востока с той или другой стороны эти вопросы делались все более и более актуальными.

В 1857 г. в Айгуне был подписан российско-китайский договор, целью которого стало не только установление разграничения по рекам Амур, Уссури и Сунгури, но и введение разрешения на взаимную пограничную торговлю подданным обоих государств, проживавшим на берегах этих рек (3).

Пекинским договором 1860 г. число приграничных торговых пунктов и военных крепостей было увеличено. По торговым делам русские купцы были допущены, кроме Пекина, в Калган, Ургу, Кашгар, Или, Тарбагатай (4).

Договор разрешал свободную и беспошлинную меновую торговлю подданным России и Китая на протяжении всей приграничной линии. «Правила для сухопутной торговли между Россией и Китаем», подписанные сроком на три года и подтвержденные затем договором 1869 г., установили беспошлинную торговлю на расстоянии 50 верст (100 ли) по обе стороны русско-китайской границы. Наконец, Петербургский договор 1881 г. подтвердил все статьи о «Правилах русско-китайской торговли на Дальнем Востоке», которые были зафиксированы в прежних соглашениях.

Главным пунктом приграничной торговли между подданными обеих стран сделалась Кяхта – небольшой населенный пункт на границе России с Монголией. В XIX – начале XX в. он пользовался мировой известностью. Здесь начинали и заканчивали свои путешествия видные исследователи Центральной Азии – Н.М. Пржевальский, П.К. Козлов, Г.Н. и А.В. Потанины, В.А. Обручев. О Кяхте знали в деловых кругах Лондона, Парижа, Берлина и даже Нью-Йорка. Ее история – это история внешней торговли, российской фабричной индустрии, первоначального накопления капиталов в России.

У современников были веские основания полагать, что граф Савва Лукич Владиславич-Рагузинский, посол России в Китае, крайне неудачно выбрал место для возведения укрепленного центра русско-китайской приграничной торговли. Кяхта расположена в просторной долине, расширяющейся к югу, постепенно переходившей в Монгольскую степь; почва здесь песчаная, песчано-глинистая и каменистая; зима почти без снега при морозах в 30–40 °С; сухая весна с ветрами, несущими тучи песка и пыли; лето жаркое, но дневная жара иногда сменялась холодным вечером. Вода в речке Кяхте и окрестных колодцах – мутная и для питья малопригодная, но у российского дипломата, «птенца гнезда Петрова», был свой расчет. Как гласит легенда, из опасения, что в случае конфликта хитроумные и коварные китайцы отравят воду в реке, Савва Владиславич выбрал такую, которая текла не из Китая, а в Китай, точнее – в Монголию. Хотя правдоподобнее звучит все-таки другая версия, в соответствии с которой решающим аргументом при выборе места послужило то обстоятельство, что форпост находился на старинном караванном пути из России в Китай через Монголию.

Необходимость создания перевалочного пункта возникла после подписания Ф.А. Головиным договора 1689 г., когда первые казенные караваны с русской пушшиной пошли в Пекин. В 1727 г. Кяхтинским договором с Китаем была установлена южная граница между двумя странами и открыты два пункта русско-китайской приграничной торговли: один – на речке Кяхте и другой – в урочище Цурухайту, близ Селенгинска. В том же году началась постройка Ново-Троицкой крепости (впоследствии город Троицкосавск), а на следующий год в четырех километрах от нее, в непосредственной близости от границы – торгового форпоста Кяхта.

В конце сентября 1728 г. из Пекина в Кяхту возвратился караван. Он привез нераспроданный товар: меха камчатских бобров, рысей, соболей. Комиссар каравана сдал пушнину на форпосте целовальнику Лягунову, а тот променял ее китайским купцам. Так началась кяхтинская торговля.

Долгое время она оставалась исключительно приграничной, поскольку мешали многочисленные ограничения. Например, купцам из центральной России торговать на Кяхте дозволялось только с санкции Сибирского Приказа. Но самое главное препятствие заключалось в том, что русским негодиком нечего было предложить своим китайским партнерам, так как торговля пушшиной, самым ценным по тем временам товаром, была монополизирована казной. Караван с пушшиной за счет казны в 1755 г. был последним, а в 1762 г. монополия государства на меховую торговлю была отменена.

Несмотря на имевшиеся трудности, в 1743 г. Кяхта получила статус торговой слободы, и в ней разрешалось селиться всяким «охочим людям». Уже в следующем году сюда прибыло до 100 семей крестьян и посадских людей из разных городов.

В конце XVIII в. кяхтинский торг разросся настолько, что ему стало тесно в слободе. Отважных купцов не останавливали трудности многоме-

сячного путешествия через Сибирь. В отдельные годы число торгующих на Кяхте достигало 500 человек.

В 1799 г. жители Кяхты, непосредственно не участвовавшие в торговых операциях, были выселены в Троицкосавск, а в 1804 г. в слободе было запрещено строиться и селиться.

В 20–30-е гг. XIX в. за казенный счет в Кяхте были выстроены каменные торговые ряды в стиле русский ампира и возведен православный храм. Путешественники отмечали образцовый порядок в слободе – за его соблюдением следила специальная коллегия кяхтинских старшин.

Первоначально местная торговля на Кяхте с русской стороны разрешалась кяхтинским купцам и мещанам, пограничным казакам и забайкальским бурятам. Торговлей занимались приказчики, обозные служители и ямщики крупных чаеоторговых и экспедиторских фирм из центральной России. Они сбывали местному населению чай, тем или иным способом похищенный у своих хозяев.

С начала открытия вольной кяхтинской торговли главными статьями китайского экспорта являлись сравнительно недорогие хлопчатобумажные ткани. Например, китайка, имевшая традиционно вишневый, синий, реже голубой цвета (чем темнее был цвет ткани, тем дороже ее оценивали), которая употреблялась для пошива рубах. Упаковка китайки (так называемая «тюня» – 53,25 м) стоила в 70-е гг. XVIII в. 5,5–7 руб. Также шла даба (китайская бумажная ткань) и разного сорта чай. С российской стороны предлагались главным образом меха.

Во втором десятилетии XIX в. характер кяхтинской торговли претерпел существенные изменения. На первый план в ней вышел чай, который в Европейской части России сделался предметом широкого потребления, и торговля им приобрела большой размах, особенно на Нижегородской и Ирбитской ярмарках.

Мягкая рухлядь среди предметов русского привоза на Кяхту во втором десятилетии начинает терять свое былое значение. На ее место заступили шерстяные и хлопчатобумажные ткани. По-видимому, русские сукна, приготовленные крестьянами Сибири, были среди предметов мелочного торгова с китайцами еще в XVIII столетии. Затем сукно стало поставляться уже в значительных количествах – от 50 до 100 000 аршин (5), а с появлением на Кяхте европейских сукон эта отрасль торговли сделалась преобладающей. До 1819 г. в русском привозе большую часть составляли прусские сукна, затем их сменили польские. В начале 1830-х гг. распространяется продукция российских сукновален, и уже к 1845 г. на Кяхте не осталось ни одного аршина заграничного сукна.

С достаточными основаниями можно говорить о наличии монополии небольшого числа крупных фирм в российской чаеоторговле, отчасти созданной усилиями царского правительства. Оно заинтересовалось кяхтинской торговлей в самом конце XVIII в. в связи с падением курса русского рубля. Для поддержания курса ассигнаций и с целью не допустить утечки драго-

ценных металлов правительство запретило закупать китайские товары на золото и серебро, а также совершать кредитные сделки с китайскими купцами. Высочайше утвержденными 18 марта 1800 г. «Правилами, по коим кяхтинской таможне и купечеству при производстве торгова с китайцами поступать долженствует» был упорядочен процесс торговли русскими товарами.

Закон, запрещавший торговлю с китайцами посредством денег и кредита, действовал с 1800 по 1855 г. Ввоз чая по западной границе империи был также воспрещен. Чай выменивался только на Кяхте у китайцев на русские товары, главным образом шерстяные и хлопчатобумажные ткани. При этом чай проходил дегустацию, взвешивался и зашивался в кожу в специальных ширейных мастерских. Опытные торговцы следили, чтобы на ширку употреблялась лучшая кожа, цельная, без заплат; шов был частый, так как внешний вид чайного места влиял на выбор покупателей (6).

Чайной тарой служили так называемые «цибики», что в переводе с монгольского означает «плетушка». Цибик представлял из себя деревянный ящик, оплетенный в 2–3 раза камышом. Лучшие сорта чая укладывались в свинцовые или оловянные ящики различной величины, а наилучшие – «цветочные» – в нарядные ящички, которые вкладывались в цибики. Такая упаковка способствовала тому, что чай приобретал неповторимый затхлистый аромат, особо ценимый любителями. Далее караванным путем продукт доставлялся в главные распределительные центры – на Ирбитскую и Нижегородскую ярмарки.

Основным недостатком такого порядка были, во-первых, чрезвычайная дороговизна доставки грузов; во-вторых, медленный оборот капиталов в обстановке отсутствия в стране банковского кредита и, как следствие, сосредоточение торговли в руках небольшого числа фирм с той и с другой стороны. В 1829 г. нижегородские чайные торговцы ввели так называемую чайную нормировку, уговорившись не выпускать на внутренний рынок чая больше установленного количества. Однако главными деятелями на чайном рынке были московские купцы и дисконтеры, широко кредитовавшие крупных оптовиков чая. Кяхта сыграла очень большую, до сих пор вполне не оцененную роль в процессе первоначального накопления капитала в России.

Многие известнейшие в России и в мире фирмы начала XX в. выросли именно из Кяхтинской чайной торговли. В частности, с Кяхтой в первой половине – середине XIX в. имели дело Савва Морозов (Товарищество Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и Компания»), Захар Морозов (Богородско-Глуховская мануфактура), Лука Лосев (Товарищество Собинской мануфактуры бумажных изделий), Дмитрий Лепешкин (Товарищество Вознесенской мануфактуры), Семен Алексеев (Товарищество «Владимир Алексеев», одним из руководителей и хозяев которого являлся К. С. Станиславский), Андрей и Иван Карзинкины (Товарищество Ярославской Большой мануфактуры), Алексей Губкин (торгово-промышленное товарищество «Преемник А. Губкина А.Г. Кузнецов и Компания»), Филипп Вогау (торго-

вый дом «Вогау и Компания»), общество «Петра Боткина сыновья», томский первой гильдии купец Гаврило Елисеев и целый ряд других, перечисление которых заняло бы слишком много места (7). «Чайная торговля вызывала к деятельности многие капиталы и была, таким образом, двигателем нашей мануфактурной и прочей промышленности» (8), – справедливо отмечалось в книге, написанной по заказу кяхтинского купечества.

Таможенные пошлины с чайных грузов приносили большой доход казне. В 1858–1861 гг. ежегодная сумма пошлин с чая составляла в среднем 5 466 000 руб. серебром. О высоте обложения свидетельствует такой факт. В Англии лучший чай стоил приблизительно 2 руб. за фунт, в России – 4 руб. Простой чай в Англии продавался в розницу по 25–30 коп., в России – по 1,5 руб. Чай облагался примерно 50–120% от цены.

Чрезмерные ставки обложения стимулировали необычайное развитие чайной контрабанды по западной границе Российской империи, уничтожая монопольные черты чайной торговли в Кяхте. Особенно она усилилась после 1843 г., когда в Китае были открыты для европейской торговли целых пять портов. По вычислениям кяхтинских чайных торговцев, потребление чая в 1856 г. равнялось 18 млн фунтов, тогда, как ввезено было через Кяхту 10 млн фунтов. 8 млн фунтов или 200 тыс. пудов приходилось на контра-банду.

Особый комитет, учрежденный при Министерстве финансов в 1856 г. по делам торговли с Китаем, признал, что есть только два пути борьбы с чайной контрабандой: обандероливание чая либо допущение ввоза по западной границе с умеренной пошлиной. В высших сферах возникли разногласия. Купечество же, первоначально горой стоявшее за наложение на все чаи казенной бандероли, под впечатлением успехов цивилизованной, т.е. свободной денежной торговли, переменило мнение и направило министру финансов новое прошение об отмене ограничений в Кяхтинской торговле и о сбавке пошлин на кяхтинские чаи (9).

Монопольный характер кяхтинской торговли имел для российских фабрикантов свои преимущества. Неплатежи в чае торговле случались редко, более того – вплоть до 1863 г. кяхтинские чае торговцы вообще не знали убытков. Поэтому страховая доля делькредере была в вялой русско-сибирской торговле куда ниже, чем, например, в оживленной украинской. Кроме того, расчет за покупки мануфактуры и других промышленных товаров для реализации на Кяхте совершался по большей части наличными деньгами, а не в кредит. В прејскурантах крупных московских фирм даже в начале XX в. ставились две цены за товар: одна, меньшая, за наличный расчет и другая, повышенная, при расчетах в кредит. Отсюда тот вызывавший удивление и возмущение либеральных экономистов факт, что «московские плисы, легкие сукна и ситцы продавались в Китае за половину того, что они стоили в Москве» (10).

Устойчивой и прибыльной кяхтинской торговлей московские текстильные фабриканты очень дорожили, и ликвидация кяхтинской чайной монополии в 1860 г. их сильно беспокоила. В.А. Кокорев вспоминал, что как только

прошел слух о приготовлениях к открытию всех таможен для пропуска чая, «стали являться в Петербург из Москвы, как кяхтинские чаоторговцы, так и фабриканты, работавшие для Китая (в числе их припоминаю часто бывавших у меня Е.С. Морозова и И.А. Карзинкина) и умолять властных лиц в видах общей и государственной пользы, оставить дело при старом порядке» (11).

С 1862 г. начинается новая эпоха в чайной торговле – с разрешением ввоза чаев через западную границу России монополия Кяхты и ее купечества была практически ликвидирована. Одновременно Департамент экономии Государственного Совета постановил понизить ставки таможенных пошлин до 30–65%.

Отсюда вовсе не следует, что значение Кяхты в одночасье упало до 0. Наоборот, в 1860–1870-е и даже в 1880-е гг. чайные торговцы на Кяхтинском гостином дворе делали еще большие обороты. Определенную роль в этом сыграла привычка потребителя к неповторимому вкусу «караванного» чая, но, главным образом, дороговизна морских фрахтов и требование уплаты таможенных пошлин золотом.

Источники, как опубликованные, так и архивные, мало что говорят о торговых оборотах и о численности участников приграничных торговых операций. Известно, что местное население российских приграничных областей получало из Маньчжурии табак, чай, просо, сбывая туда сукна, хлопчатобумажные ткани и другие изделия промышленности, полученные из центральной России.

В наших руках оказался интересный документ за подписью кяхтинского градоначальника Пфаффиуса, который позволяет дать более выпуклую характеристику приграничной торговле в первые годы после отмены кяхтинской монополии (12). Судя по всему, он мало известен исследователям экономической истории Сибири и Дальнего Востока.

Как следует из документа, пограничная оптовая и мелочная торговля в Кяхте, торговля скотом и караванная торговля русских купцов внутри Китая и Монголии находились в ведении градоначальника. Львиную долю всего объема занимала пограничная оптовая торговля – 98,6%, затем следовала мелочная – около 1,2% (см. табл.).

Таблица

**Пограничная торговля на Кяхте русскими товарами,
январь 1863 г., тыс. руб. (13)**

Категории товаров	Пограничная	%	Караванная	%	Мелочная	%
Продукты питания	нет		нет		8 960,34	67,83
Промышленные товары	331 426,9	31,55	960	50	363,5	2,75
Скот и пушнина	16 470	1,56	нет		964	7,3
Денежная наличность	702 686,2	66,89	960	50	2 923	22,13
Всего	1 050 583	100	1 920	100	13 210,84	100

Как видно из табл., мелочная торговля производилась исключительно продуктами питания: мясом скота, птицей, свининой в живом весе, пшеничной мукой, пшеницей в зерне и яйцами.

Судя по всему, товарооборот в мелочной кяхтинской торговле производился, как и прежде, посредством натуральной мены, с минимальным участием наличных денег. Как показывают данные источника, 2/3 покупок русскими купцами китайских товаров на Кяхте производились за наличный расчет золотой (73 016,15 руб.), серебряной (597 811 руб.) монетой и кредитными деньгами (31 859 руб.). Караванная торговля в январе производилась только выделанными кожами.

Пограничная оптовая торговля с русской стороны производилась тканями (сукнами разного вида, вельветом, драдедамом, дабой, сафьяном, нанкой), металлическими изделиями и мягкой рухлядью (шкурами бобров, морских котиков, мерлушкой, песцов белых). Именно в январе и марте совершались оптовые торговые сделки на Кяхте – купцы стремились успеть доставить товар до начала ярмарок в России.

Как показывают данные нашего источника, в 1860-е гг. привоз промышленных товаров на китайскую границу из центральной России оставался все еще значительным. Следует иметь в виду, что в то время четкого деления на оптовую и розничную торговлю не существовало. Мясо покупали тушами, рыбу – возами, а муку – мешками.

Купеческий «бизнес» тех лет отличался крайней неустойчивостью. Банкротства были вполне обычным явлением, и нередко случалось, что первогильдейский в прошлом купец, гремя кандалами, шел по этапу в Сибирь. Торговля с Китаем сопрягалась с большими накладными расходами и требовала крупных капиталов (в России становление цивилизованного банковского кредита завершилось только в 80-е гг. XIX в.). Она была сосредоточена в руках небольшого числа московских и иркутских фирм. Всего в 1854 г. на Кяхте торговали 58 купеческих домов с общим оборотом в 10,3 млн руб., при этом на долю семи московских фирм приходилось 2,4 млн руб., или 23% всего оборота (14).

Тем не менее пальму первенства стали у них понемногу отвоевывать продавцы так называемого кантонского чая (по названию главного Китайского порта для иностранной торговли), доставлявшегося морем через Петербург, а после открытия в 1869 г. для судоходства Суэцкого канала – и через Одессу, хотя не сразу, а примерно с 1878 г., когда рейсы стали совершать суда Добровольного флота (организации, которая пользовалась правительственной субсидией) (15). После открытия Суэца оборот капитала сократился вдвое – до 2–3 месяцев вместо 4–5 в былые времена. С основанием коммерческих банков русские чайные торговцы стали получать там относительно дешевые кредиты. Крупные фирмы, занимавшиеся чайной торговлей, приняли живое участие в создании многих Московских и Петербургских банков, например, Московского Учетного банка.

Примерно с 1888 г. начинается неуклонное падение оборотов Кяхтинской торговли, а в 1890-е гг. она приобрела исключительно местное значение: закупки совершались для реализации среди местного населения Сибири.

Окончательный упадок Кяхты был вызван не законодательными мерами правительства, а строительством Великой сибирской рельсовой магистрали, частью которой стала Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД). С вступлением ее в эксплуатацию начинается новая эпоха в русско-китайских торговых связях, в том числе и приграничных. Введение в строй КВЖД изменило географическую направленность торговли, сократило пассивное сальдо внешней торговли России, увеличило экспорт русских товаров через другие пункты восточного участка границы с Китаем. В результате Кяхта потеряла значение главного приграничного и международного пункта торговли с Китаем и стала центром русской торговли с Внешней Монголией. Обороты теперь уже местной торговли неуклонно падали, и сюжет Кяхтинской торговли стал занимать более чем скромное место в истории Российского государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) *Покровский В.И.* Статистические сведения о торговле России с Китаем. – СПб., 1909; *Бочагов А.Д.* Наша торговля и промышленность в старину и ныне (Исторические очерки). Торговля предметами потребления. Вып. 1. – СПб., 1891; *Корсаков А.* Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем. – Казань, 1857; *Романов Б.А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895–1907. – М.–Л., 1955; *Романова Г.Н.* Экономические отношения России и Китая на Дальнем Востоке XIX – начало XX вв. – М., 1987; *Гродеев Н.В., Васильева Г.В.* Проблемы приграничного сотрудничества России и Китая: история и современность. – Иркутск, 2003; *Приграничье Азиатской России: подходы к анализу современных проблем.* Сборник науч. ст. / Отв. ред. Н.Н. Аблажей, Е.Г. Водичев. – Новосибирск, 2011.

(2) *Границы Китая: история формирования / Под общ. Ред. В.С. Мясникова, Е.Д. Степанова.* – М., 2001. – С. 182.

(3) *Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689–1916 гг.* – М., 2004. – С. 62–63.

(4) Там же. – С. 70–78; *Трактаты европейских государств с Китаем.* – Кяхта, 1862. – С. 2–5.

(5) *Бутины, братья.* Исторический очерк сношений русских с Китаем. – Иркутск, 1871. – С. 14.

(6) Подробнее см.: *Крит Н.К.* Будущее кяхтинской торговли. – М., 1862. – С. 13.

(7) Центральный государственный исторический архив (далее – ЦГИА). – Ф.16. – Оп. 44. – Д. 19. – Л. 60, 62 об.; Там же. – Оп. 38. – Д. 80. – Л. 8. и др.

(8) Краткий очерк возникновения, развития и теперешнего состояния наших торговых с Китаем сношений через Кяхту. – М., 1896. – С. 60.

(9) *Соболев М.Н.* Таможенная политика России во второй половине XIX в. – Томск, 1911. – С. 203–209.

(10) *Скальковский К.А.* Наши государственные и общественные деятели. – СПб., 1890. – С. 486.

(11) *Кокорев В.А.* Экономические провалы. – М., 2005.

- (12) Источник данных: Подробные сведения о ходе сухопутной торговли России с Китаем через Кяхту за январь и март 1863 г. – Б.м., б.г.
- (13) Там же.
- (14) Субботин А.П. Чай и чайная торговля в России и других странах. Производство, потребление и распределение чая. – СПб., 1892. – С. 463.
- (15) Там же. – С. 527.

REFERENCES

- (1) Pokrovskiy V.I. Statisticheskie svedeniya o torgovle Rossii s Kitaem [Statistical data on trade of Russia with China]. St-Petersburg, 1909; Bochagov A.D. Nasha torgovlya i promyshlennost' v starinu i nyne. (Istoricheskie ocherki). [Our trade and the industry in olden time and nowadays. (Historical sketches)]. № 1. St-Petersburg, 1891; Korsak A. Istoriko-statisticheskoe obozrenie torgovykh snosheniy Rossii s Kitaem [Historical-statistical review of the trading intercourses of Russia with China]. Kazan', 1857; Romanov B.A. Ocherki diplomaticheskoy istorii russko-yaponskoy voyny. 1895–1907 [Sketches of diplomatic history of the Russian-Japanese war. 1895–1907]. Moscow-Leningrad, 1955; Romanova G.N. Ekonomicheskie otnosheniya Rossii i Kitaya na Dal'nem Vostoke XIX – nachalo XX vv. [Economic relations of Russia and China in the Far East XIX – the beginning of XX centuries]. Moscow, 1987; Grodeev N.V., Vasil'eva G.V. Problemy prigranichnogo sotrudnichestva Rossii i Kitaya: istoriya i sovremennost' [Problems of frontier cooperation of Russia and China: history and the present]. Irkutsk, 2003; Prigranich'e Aziatskoy Rossii: podkhody k analizu sovremennykh problem. Sbornik nauch. st. [Pre-border of the Asian Russia: approaches to the analysis of modern problems. The collection of scientific articles]. Ed. N.N. Ablazhey, E.G. Vodichev. Novosibirsk, 2011.
- (2) Granitsy Kitaya: istoriya formirovaniya [Borders of China: formation history]. Ed. V.S. Myasnikova, E.D. Stepanova. Moscow, 2001, p. 182.
- (3) Russko-kitayskie dogovorno-pravovye akty. 1689–1916 gg. [The Russian-Chinese contract-legal certificates. 1689–1916 Years]. Moscow, 2004, pp. 62–63.
- (4) Tam zhe [Ibid.], pp. 70–78; Traktaty evropeyskikh gosudarstv s Kitaem [Treatises of the European states with China]. Kyakhta, 1862, pp. 2–5.
- (5) Butiny, brat'ya. Istoricheskiy ocherk snosheniy russkikh s Kitaem [Historical sketch of the intercourses of Russian with China]. Irkutsk, 1871, p. 14.
- (6) Krit N.K. Budushchee kyakhtinskoy torgovli [The future of Kyakhta's trade]. Moscow, 1862, p. 13.
- (7) TsGIA, f.16, op. 44, d. 191, l. 60, ob. 62; Tam zhe [Ibid.], f. 16, op. 38, d. 80, l. 8, and etc.
- (8) Kratkiy ocherk vozniknoveniya, razvitiya i tepereshnego sostoyaniya nashikh torgovykh s Kitaem snosheniy cherez Kyakhtu [Short sketch of occurrence, development and present condition of our trading with China through Kyakhta]. Moscow, 1896, p. 60.
- (9) Sobolev M.N. Tamozhennaya politika Rossii vo vtoroy polovine XIX v. [The customs policy of Russia in second half XIX century]. Tomsk, 1911, pp. 203–209.
- (10) Skal'kovskiy K.A. Nashi gosudarstvennye i obshchestvennye deyateli [Our state and public figures]. St-Petersburg, 1890, p. 486.
- (11) Kokorev V.A. Ekonomicheskie provably [Bankruptcies]. Moscow, 2005, 336 p.
- (12) Istochnik dannykh: Podrobnye svedeniya o khode sukhoputnoy torgovli Rossii s Kitaem cherez Kyakhtu Za yanvar' i mart 1863 g. [Detailed data about a course of overland trade of Russia with China through Kyakhta For January and March, 1863 year]. B.m., b.g.
- (13) Tam zhe [Ibid.].

(14) Subbotin A.P. Chay i chaynaya trgovlya v Rossii i drugikh stranakh. Proizvodstvo, potreblenie i raspredelenie chaya [Tea and tea trade in Russia and other countries. Manufacture, consumption and tea distribution]. St-Petersburg, 1892, p. 463.

(15) Tam zhe [Ibid.], p. 527.

RUSSIAN-CHINESE BORDER TRADE IN THE XIX CENTURY

M.V. Koval

Department of Russian History
Moscow Pedagogical State University
Vernadsky Ave., 88, 119571, Russia, Moscow

The article analyses the process of the border establishment with China and the formation of the border trade mechanisms, registration and liquidation of Kyakhta monopoly and the decrease of the role of trade through Siberia. With the construction and putting into operation of the Trans-Siberian railway the commercial border relations entered a new period of their development.

Key words: Kyakhta, Canton, tea dealers, tea, border, border-zone, border trade.